

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М.: КомКнига, 2007. – 272 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность?. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. – С.90–93.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
8. Леонтьев А.А. Объект психологии и объект в психологии // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра. – М.: Смысл, 2006. – С.61–74.
9. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика : учеб. издание. – Изд-во АСТ; Восток-Запад, 2007. – 315 с.
11. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психоэетику. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993. – 209 с.
12. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
14. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С.65–69.
15. Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс : дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 177 с.
16. Hardy, C. Networks of meaning: A bridge between mind and matter. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.
17. Margolis, E. & Lawrence, S. Concepts // URL <http://plato.stanford.edu/entries/concepts/>

УДК 81`37:159.953.3

Е.Н. Колодкина

ЭФФЕКТ КОНКРЕТНОСТИ: ОБЗОР

Эффект конкретности проявляется в способности конкретных слов вызывать чувственные образы. Эмпирические данные показывают, что конкретные слова имеют преимущества перед абстрактными в экспериментальных заданиях различного рода. Приводится обзор моделей семантической памяти, используемых для объяснения эффекта конкретности.

Ключевые слова: эффект конкретности, психолингвистический эксперимент, модели семантической памяти.

По мнению Н.Р. Джи и ее коллег [17], эффект конкретности, который также называют «эффектом конкретности и образности», является одним

из самых ярких открытий в области когнитивных исследований последней четверти XX века. Безусловно, первоначальным стимулом для многочисленных исследований конкретности послужило экспериментальное исследование А. Пайвио и его сотрудников, в котором были получены коэффициенты конкретности, образности и значимости английских существительных [32]. Как указывает Б.М. Гаспаров [1], постоянство, с которым языковой материал связывался с образными представлениями, привело А. Пайвио к теории «двойного кодирования» языковых смыслов – вербального и невербального (образного) [31], на которой мы подробнее остановимся ниже. Экспериментальные методики, применяемые А. Пайвио, были широко использованы его многочисленными последователями, что привело к опубликованию количественных данных по разнообразным составляющим психологической структуры значения слова. Наибольшей известностью вплоть до настоящего времени пользуются опубликованные в 1978 году семантические нормы [38], содержащие данные по 7 параметрам для 2800 английских слов. Сам А. Пайвио совместно с Дж.М. Кларком через 35 лет после выхода первоначальной публикации выпустил расширенные нормы [13], в которых увеличилось и число исследуемых показателей, и количество рассматриваемых слов, причем в экспериментальный список вошли уже не только существительные, но и другие части речи.

В ходе анализа многочисленных экспериментальных работ был выявлен так называемый «эффект конкретности», проявляющийся в способности конкретных слов вызывать чувственные образы в сознании человека, например, *сочный арбуз*, в то время как у абстрактных слов подобная способность значительно меньше, например, *сельскохозяйственные продукты* [35]. Было установлено, что конкретные слова превосходят абстрактные по легкости воспроизводства в памяти [25], узнаваемости [8], в заданиях на распознавание значений слова [9], легкости произнесения [14] и понимания [21]. Оказалось, что эффект конкретности взаимосвязан с процессами понимания, возникновения интереса и извлечения ключевой информации из текста [34]. Укажем, что эффект конкретности регулярно проявляется не только в индоевропейских, и, в первую очередь, английском языке, но и в языках других, менее изученных языковых семей. Сошлюсь, например, на новые работы тайваньских исследователей, сравнивающих проявления эффекта конкретности на материале существительных и глаголов в китайском языке [23; 40].

Для объяснения регулярного проявления эффекта конкретности в экспериментальных исследованиях ученые обратились к базовым когнитивным теориям, а именно, к теориям организации знаний в памяти человека. Существуют различные модели семантической памяти, служащие основанием для интерпретации эмпирических данных (см. обзоры: [3; 16]). Приведем мнение Т.Ю. Сазоновой о том, что современные обзоры этих, ставших в большинстве своем классическими, теорий часто расходятся в описаниях и оценках их значимости. Обращаясь к такого рода обзорам, не сле-

дует забывать, что обсуждаемые теории отражают не только специфику исходного научного подхода, но также и историческую и общенаучную ситуацию, конкретные условия места и времени их появления, практическую необходимость разработки той или иной научной концепции [5].

При обращении к моделям семантической памяти неизбежно встает вопрос о том, сколько видов семантической памяти существует: одна, в которой хранится информация независимо от формы ее репрезентации, или несколько, по количеству видов модальности (зрительная, слуховая, тактильная, вкусовая, обонятельная) [19]. Как указывает П. Брайт [11: 417], вопрос о существовании унитарной системы концептуальных репрезентаций или о наличии отдельных репрезентаций одного и того же концепта для различных модальностей является краеугольным для современной нейронауки.

Принято противопоставлять модели унитарного (амодального) и двойного кодирования. Первая модель постулирует, что значения всех объектов, событий и концептов хранятся и обрабатываются в общей амодальной семантической системе (см., например: [12]). Вторая модель исходит из того, что различные семантические системы независимо хранят и обрабатывают информацию [30; 31]. Теории, относимые к одномодальной модели, как, например, теория контекстной доступности, обосновывают преимущества в переработке конкретных слов тем, что конкретные слова более легко включаются в семантический контекст [37]. Отрицается существование различных типов информационных кодов как источников эффекта конкретности [10]. Авторы исходят из того, что понимание почти полностью определяется контекстом, обеспечиваемым либо предшествующим дискурсом, либо собственной семантической памятью. Поскольку конкретные слова более тесно ассоциируются с соответствующими контекстуальными знаниями по сравнению с абстрактными, именно конкретные слова имеют более обширные ассоциативные связи. Квинтэссенцией второго подхода, безусловно, является теория двойного кодирования А. Пайвио, в которой утверждается существование двух взаимодействующих систем памяти: образной и словесной [30]. При запоминании и обработке информации обе системы работают независимо; соответственно, в мозге человека создаются отдельные репрезентации для информации, обрабатываемой в образной и словесной форме. Далее они используются для преобразования информации в знания, которые могут как храниться, так и использоваться. По мнению А. Пайвио, конкретные слова не только декодируются вербально, но и представлены невербально в образной форме.

Укажем, что практически ежегодно публикуются результаты разнообразных экспериментальных исследований эффекта конкретности, трактуемых в пользу как амодальной модели, так и модели двойного кодирования. Обратимся, например, к работам в области нейронауки. Так, в [11] специалисты в области нейропсихологии описывают роль веретенообразной извилины в репрезентации концептуальных знаний. На начальном этапе экс-

перимента использование в качестве стимулов слов и картинок привело к возбуждению определенных отделов мозга, причем возбуждение оказалось модально-специфичным как для слов, так и для изображений. Однако эта специфичность объясняется различиями в переработке стимулов, в частности, на промежуточных, досемантических стадиях обработки визуальных изображений. В итоге авторы приходят к выводу, что полученные данные подтверждают наличие иерархически структурированной, унитарной системы репрезентаций как для вербальной, так и для зрительной модальности, локализованной в передних отделах нижней височной коры головного мозга. Напротив, результаты электрофизиологического эксперимента, проведенного методом вызванных потенциалов [20], были проинтерпретированы как подтверждающие теорию двойного кодирования. Испытуемые читали предложения, последние слова которых семантически подходили (были конгруэнтны), были нейтральны или не соответствовали предыдущему контексту. Важно, что в последнем случае половину исследуемого списка составляли конкретные слова, половину – абстрактные. В ходе эксперимента выяснилось, что характеристики компонента N400³ различны для конкретных и абстрактных слов в аномальных и нейтральных предложениях, но не в семантически конгруэнтных. Авторы делают вывод, что эффект конкретности не объясняется исключительно поддерживающим контекстом, поскольку в их эксперименте как контекстуальная, так и структурная переменные существенны для процесса понимания. Что еще более важно, различные вызванные потенциалы мозга для конкретных и абстрактных слов в отсутствие поддерживающего контекста противоречат наличию унитарной амодальной системы, и, напротив, свидетельствуют о наличии сложной (множественной) семантической системы, что, скорее, соответствует расширенной трактовке модели двойного кодирования.

Широкое распространение получила также точка зрения, согласно которой весь спектр теорий, призванных объяснить эффект конкретности, возможно рассматривать в рамках двух общих направлений: процессуального и структурного. Если процессуальные теории, как указывается в работе [17], рассматривают собственно природу процессов, вызванных словами-стимулами, то структурные теории пытаются найти объяснения эффекту конкретности, акцентируя внимание на структурных особенностях предъявляемых единиц. К наиболее известным процессуальным теориям, безусловно, относятся уже упомянутая теория двойного кодирования и относительно-различительная теория.

---

³Компонент N400 – характеристика, получаемая в ходе записи электроэнцефалограммы (ЭЭГ) методом вызванных потенциалов (ВП) мозга в виде негативного пика примерно в районе 400 мс после начала действия стимула. Для психолингвистических экспериментов важно, что именно в районе 400 мс после начала действия стимула мозг начинает отличать настоящие слова от псевдослов. Подробнее о методе ВП на русском языке см.: [6].

Согласно *относительно-различительной* теории, первоначально предложенной М.С. Хамфризом [22] и позднее модифицированной и расширенной М. Маршаком и его коллегами [24; 26], эффект конкретности возникает не в результате существования различных кодов, а благодаря специфике процессов декодирования. Ключевыми элементами в процессе декодирования оказываются два вида информации: относительная и различительная. В ходе декодирования относительная информация определяет искомый набор (search set), а различительная информация позволяет выбрать цель среди других единиц. Эффект конкретности отражает различительные особенности (distinctiveness) единиц, обрабатываемых образно (т.е. конкретных единиц) в отличие от единиц, не подвергавшихся образной переработке и не маркированных в отношении различительности.

К *структурным теориям* относятся также гипотеза контекстуальной вариативности, гипотеза перцептивных ассоциатов и гипотеза связанности. Так, согласно гипотезе *контекстуальной вариативности* [15; 36], понимание конкретных слов происходит быстрее и они обладают некоторыми преимуществами по сравнению с абстрактными при выполнении различного рода заданий. Это объясняется тем, что конкретные слова имеют меньше слабо-связанных ассоциатов, хранимых вместе с ними в долговременной памяти, поскольку они появляются в меньшем по сравнению с абстрактными словами количестве языковых контекстов. В процессе понимания происходит поиск ассоциированной информации в памяти, а конкретные слова имеют меньше слабо-связанных ассоциатов по сравнению с абстрактными, поэтому понимание конкретных слов происходит быстрее.

Противоположной точки зрения придерживается автор теории *перцептивных ассоциатов* А.М. де Грот [14], который считает, что концептуальные узлы (concept nodes) конкретных слов содержат больше информации и поэтому превосходят абстрактные слова при выполнении испытуемыми заданий разного рода.

Гипотезы контекстуальной вариативности и перцептивных ассоциатов исходят из того, что размер и структура ассоциативного набора слова-цели отвечает за эффект конкретности. Д.Л. Нельсон и Т.А. Шрайбер [28], выдвигающие *гипотезу связанности*, не согласны, что концептуальные узлы конкретных слов содержат больше информации и поэтому имеют преимущества перед абстрактными словами при выполнении заданий. Эти авторы продемонстрировали, что размер ассоциативного набора и эффект конкретности независимы, но параллельны по своей природе. Они также предложили и иное объяснение полученных данных. Конкретные слова легче запомнить, поскольку у них больше связей среди ранее существующих ассоциатов, чем у абстрактных слов. Иначе говоря, возможно, что ассоциативные сети конкретных слов более тесно взаимосвязаны. Эти авторы пришли к выводу, что эффект связанности (connectivity effect) может лежать в основе эффекта конкретности.

Н. Джи с соавторами [17] выполнила экспериментальное исследова-

ние с целью проверки теоретических объяснений эффекта конкретности, существующих в рамках процессуального и структурного направлений. В серии из четырех экспериментов рассматривалась зависимость конкретности от количества ассоциатов слова в долговременной памяти и плотности связей между ассоциатами. Исследователи пришли к выводу, что эффект конкретности не зависит от ассоциативной структуры изучаемых единиц. Соответственно, результаты трактуются как опровергающие структурные подходы и подтверждающие одну из процессуальных теорий, а именно, теорию двойного кодирования. По мнению авторов, результаты исследования также соотносимы с моделью переработки имплицитных и эксплицитных репрезентаций.

Модель переработки имплицитных и эксплицитных репрезентаций [28; 29] попыталась объяснить эффект связности и другие эффекты, относящиеся к ассоциативной структуре слова. Она была разработана для объяснения влияния структурных различий слов при выполнении различного рода заданий. Фактически, модель переработки имплицитных и эксплицитных репрезентаций выделяет два независимых компонента переработки. Имплицитный компонент вызывает автоматическую активацию ассоциатов, связанных со словом-целью в результате полученного ранее опыта. Итоговая имплицитная репрезентация состоит из слова-цели и его ассоциатов, при этом цель имеет более высокий уровень активации в долговременной памяти. Эксплицитный компонент вызывает интенциональную (преднамеренную) процессуальную активность, направленную на слово-цель, например, усложнение через выполнение инструкций на генерацию образов, определение уровня приятности (pleasantness) или образности. В итоге, данная модель соотносит эффект конкретности с эксплицитными репрезентациями, но не объясняет его.

Несмотря на то, что многие представленные выше теории имплицитно или эксплицитно обращаются к структуре конкретного или абстрактного слова, Дж. Рейли и Дж. Кин в публикации 2007 года [33] приходят к выводу, что все существующие в настоящее время теории, объясняющие эффект конкретности, концентрируются исключительно на семантических свойствах слова. Они же выдвигают предположение, что сама форма слова может являться причиной эффекта конкретности. Названными авторами был выполнен анализ большого корпуса существительных (более 2000) с высокими и низкими показателями степени образности. Учитывалась также длина слова, его этимология, просодия, аффиксация, плотность фонетического окружения, наличие сочетаний согласных. Оказалось, что слова, обозначающие абстрактные понятия, обладают большей словообразовательной сложностью. С ростом образности уменьшается конечное число морфем и аффиксов. Чем длиннее слово и чем больше количество слогов, из которых оно состоит, тем меньше его образный потенциал. Наибольшей образностью обладают слова германского происхождения, а наименьшей – латинского. Дж. Рейли и Дж. Кин приходят к выводу, что учет взаимосвя-

зи формы слова и его значения может быть применим в теориях овладения языком и переработки слова.

В.В. Денисова [2], опираясь на изложенную выше концепцию Дж. Рейли и Дж. Кина, указывает, что образный потенциал иностранного слова оказывает влияние на легкость запоминания и прочность его усвоения и является одним из определяющих факторов овладения языком. Она выдвигает предположение, что в ситуации учебного билингвизма степень образности усваиваемых слов обуславливается родным языком говорящего. Однако проведенный В.В. Денисовой пилотажный эксперимент с носителями британского английского и русского языков в условиях учебного двуязычия пока не подтвердил названную выше гипотезу.

Завершая обзор разнообразных концепций, пытающихся объяснить «эффект конкретности» («эффект конкретности и образности»), укажем, что многие из них взаимоисключают друг друга и нуждаются в более тщательной проверке. Более того, сами термины «конкретность» и «образность» зачастую рассматриваются недифференцированно, в то же время и в лингвистике, и в когнитивной психологии существует много литературы, разъясняющей, какое слово считать конкретным, а какое абстрактным. Например, И. Уокер и К. Хулме [39] указывают, что слово считается конкретным, если оно обозначает реально существующий материальный объект или лицо, которые можно непосредственно ощутить с помощью органов чувств, в противоположность абстрактному качеству, состоянию или действию. Приведем также мнение Х.Е. Мосс и Л.К. Тайлер [27], согласно которому под абстрактными словами, в противоположность конкретным, традиционно рассматриваются слова, чьи референты невозможно исследовать при помощи органов чувств. Абстрактность имеет высокую отрицательную корреляцию с образностью слова, заключающуюся в том, что абстрактные слова сложно представить, в первую очередь, зрительно. Эти авторы, ссылаются на то, что во многих исследованиях семантической памяти термины «абстрактность» и «образность» используются взаимозаменяемо, и они сами продолжают следовать этой традиции. Аналогичная точка зрения представлена в работе [18], где приводится традиционная точка зрения на конкретность слова как его способность соотносится с характеристиками объекта, которые могут быть чувственно восприняты. Образность, с другой стороны, определяется как способность слова вызывать внутренние образы. Однако, исходя из того, что образность представляет собой одну из характеристик конкретности, а также учитывая высокую корреляцию конкретности и образности, авторы в своем исследовании, используют термины «конкретность» и «образность» как синонимы. Ранее мы уже высказывали свое мнение о том, что конкретность и образность представляют собой взаимосвязанные, но различные компоненты значения слова [4]. Подробное обсуждение вопроса о роли конкретности в образности слова см. в работе С.А. Чугуновой [7], представляющей концепцию опоры на мысленный образ ситуации при понимании текста.

В заключение укажем, что эффект конкретности, несмотря на значительное число экспериментальных работ различного рода, подтверждающих его существование, и разнообразие теоретических гипотез, пытающихся его интерпретировать, все еще ждет своего объяснения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
2. Денисова В.В. Образность английского слова как продукт варьирования родного языка говорящего // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2(6). – 6 с. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-06.pdf>
3. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.
4. Колодкина Е.Н. Специфика психолингвистической трактовки параметров конкретности, образности и эмоциональности значения существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук.– Саратов, 1987.–16 с.
5. Сазонова Т.Ю. Внутренний когнитивный контекст идентификации слова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – 6 с. <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-10.pdf>
6. Секерина И.А. Метод вызванных потенциалов мозга в экспериментальной психолингвистике // Вопросы языкознания. – 2006. – № 3. – С.22–45.
7. Чугунова С.А. Образ ситуации как медиатор процессов понимания художественного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2001. – 16 с.
8. Begg, I. & Paivio, A. Concreteness and imagery in sentence meaning // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1969. – Vol. 11. – Pp.431–439.
9. Bleasdale, F.A. Concreteness-dependent associative priming: Separate lexical organization for concrete and abstract words // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 1987. – Vol. 13. – Pp.582–594.
10. Bransford, J.D. & McCarrell, N.S. A sketch of a cognitive approach to comprehension: Some thoughts on what it means to comprehend // Weimer, W. & Palermo, D. (Eds.). Cognition and the Symbolic Processes. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1974. – Pp. 189–230.
11. Bright, P., Moss, H. & Tyler, L.K. Unitary vs. multiple semantics: PET studies of word and picture processing // Brain and Language.–2004.–Vol. 89.– Pp.417–432.
12. Caramazza, A., Hillis, A.E., Rapp, B.C. & Romani, C. The multiple semantics hypothesis: Multiple confusions? // Cognitive Neuropsychology. – 1990. – Vol. 7. – Pp.161–189.
13. Clark, J.M. & Paivio, A. Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. – 2004. – Vol. 36(3). – Pp.371–383.
14. de Groot, A.M. Representational aspects of word imageability and word frequency as assessed through word association // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition. – 1989. – Vol.15. – Pp.824–845.
15. Galbraith, R.C. & Underwood B.J. Perceived frequency of concrete and abstract words // Memory and Cognition. – 1973. – Vol. 1. – Pp.56–60.
16. Garnham, A. Psycholinguistics: Central topics. – 1992. – London: Routledge. – 269 p.

17. Gee, N.R., Nelson, D.L. & Krawczyk, D. Is the concreteness effect a result of underlying network interconnectivity? // *Journal of Memory and Language*. – 1999. – Vol. 40. – Pp.479–497.
18. Fliessbach, K., Weis, S., Klaver, P., Elger, C.E. & Weber, B. The effect of word concreteness on recognition memory // *NeuroImage*. – 2006. – №. 32. – Pp.1413–1421.
19. Hartley, T.A. *The Psychology of Language: From Data to Theory*. – Psychology Press, 1995. – 483 p.
20. Holcomb, P.J., Anderson, J.E., Kounios, J. & West, W.C. Dual-coding, context-availability, and concreteness effects in sentence comprehension // *An Electrophysiological Investigation Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 1999. – Vol. 25. – №. 3. – Pp.721–742.
21. Holmes, V.M. & Langford, J. Comprehension and recall of abstract and concrete sentences // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1976. – Vol. 15. – Pp.559–566.
22. Humphreys, M.S. Item and relational information: A case for context independent retrieval // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1978. – Vol. 17. – Pp.175–188.
23. Hung, D.L. & Wu, D.H. An event-related potential study of the concreteness effect between Chinese nouns and verbs // *Brain Research*. – 2009. – Vol. 1253. – Pp. 149–160.
24. Marschark, M. & Hunt, R.R. A reexamination of the role of imagery in learning and memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. – 1989. – Vol. 15. – Pp. 710–720.
25. Marschark, M. & Paivio, A. Integrative processing of concrete and abstract sentences // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. – 1977. – Vol. 16. – Pp. 217–231.
26. Marschark, M. & Surian, L. Concreteness effects if free recall: The roles in imaginal and relational processing // *Memory and Cognition*. – 1992. – Vol. 20. – Pp. 612–620.
27. Moss, H.E. & Tyler, L.K. Investigating semantic memory impairments: The contribution of semantic priming // *Memory*. – 1995. – Vol. 3. – Pp.359–395.
28. Nelson, D.L. & Schreiber, T.A. Word concreteness and word structure as independent determinants of recall // *Journal of Memory & Language*. – 1992. – Vol. 31. – Pp.237–260.
29. Nelson, D.L., Schreiber, T.A. & McEvoy, C.L. Processing implicit and explicit representations // *Psychological Review*. – 1992. – Vol. 99. – Pp.322–348.
30. Paivio, A. *Mental Representations: A Dual Coding Approach*. – Oxford. England: Oxford University Press, 1986. – 323 p.
31. Paivio, A. *Images in Mind: The Evolution of a Theory*. – New York: Harvester Wheatsheaf, 1991. – 400 p.
32. Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S. A. Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // *Journal of Experimental Psychology*. – 1968. – Vol. 76(1). – Pt. 2. – Pp. 1–25.
33. Reilly, J. & Kean, J. Formal distinctiveness of high- and low-imageability nouns: Analyses and theoretical implications // *Cognitive Science*. – 2007. – Vol. 31. – Pp.157–168.
34. Sadovski, M. Resolving the effects of concreteness on interest, comprehension,

- and learning important ideas from text // Educational Psychology Review. – 2001. – Vol.13. – No. 3. – Pp.263–268.
35. Sadoski, M., Kealy, W.A., Goetz, E.T., & Paivio, A. Concreteness and imagery effects in the written composition of definitions // Journal of Educational Psychology. – 1997. – Vol. 89. – Pp.518–526.
  36. Schwanenflugel, P.J., Akin, C. & Luh, W. Context availability and the recall of abstract and concrete words // Memory and Cognition.–1991.–Vol. 20.–Pp.96–104.
  37. Schwanenflugel, P.J. & Shoben, E.J. Differential context effects in the comprehension of abstract and concrete materials // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. – 1983. –Vol. 9. – Pp.82–102.
  38. Toglia, M.P. & Battig, W.R. Handbook of Semantic Word Norms. – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978.
  39. Walker, I. & Hulme, C. Concrete words are easier to recall than abstract words: Evidence for a semantic contribution to short-term serial recall // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory & Cognition. – 1999. – Vol. 25. – No.5. – Pp.1256–1271.
  40. Zhang, Q., Guo, C.Y., Ding, J.H. & Wang Z.Y. Concreteness effects in the processing of Chinese words // Brain and Language. – 2006. – Vol. 96 (1). – Pp. 59–68.

УДК 81`24

С.И. Корниевская

КОНКУРЕНЦИЯ ПРИ ЛЕКСИЧЕСКОМ ДОСТУПЕ

Освещаются вопросы конкуренции при лексическом доступе в ситуациях одноязычия и двуязычия. Рассматриваются факторы, влияющие на легкость и быстроту лексического выбора. Обсуждается вопрос о том, распространяется ли активация общей семантической системы билингва на оба языка и существует ли межъязыковая конкуренция активированных лексических узлов.

Ключевые слова: лексическая активация, одноязычие, двуязычие, лексический выбор, конкуренция при лексическом выборе

Общеизвестно, что для того, чтобы передать какой-либо концепт в речи, из ментального лексикона необходимо извлечь лексическую единицу, соответствующую целевому концепту. Этот процесс традиционно называется лексическим доступом при продуцировании речи. При этом активируется не только семантическая репрезентация, соответствующая целевому концепту, но также и близко связанные с ней семантические репрезентации [3; 13; 29]. Например, при попытке назвать картинку с изображением кошки становится активной не только семантическая репрезентация 'кошка', но также и близко с ней связанные: 'собака', 'хвост', 'мурлыкать', 'шерсть' и т.п. Подавляющее большинство исследователей, занимающихся проблемами продуцирования речи, соглашаются в том, что при продуциро-